

— Пекинский союзный? Ты про медицинский вуз в Пекине? Конечно, он прекрасен. Если поступишь, дедушка будет счастлив. Он часто рассказывал, как в молодости мечтал стать врачом. После ухода из армии в свободное время даже изучал книги по терапии...

Чу Хэн аккуратно выложила пашот на кусочки цельнозернового хлеба и подвинула тарелку к Чу Мянью. За завтраком они обсуждали экзамены и выбор специализации.

— Мяу-Мяу, вот что ещё. Отец вернётся в Жунган в следующем месяце. Возможно, он договорится о дополнительных преподавателях для твоей школы. Не забудь сказать ему, выберешь ты гуманитарное или естественное направление.

— Естественное. — Чу Мянью насыпал овсянку в молоко. — Я планирую сдавать экзамены на клиническую медицину в Пекинский союзный медицинский колледж.

— Клиническую... Восемилетнюю программу? — Цель племянника звучала амбициозно. Чу Хэн была рада, что он так уверенно определился, но всё же уточнила:

— А какой проходной балл в Жунгане?

— В этом году минимальный был 697, — спокойно ответил Чу Мянью.

Цифры "697" заставили Чу Хэн чуть не уронить нож с джемом. Хотя она давно окончила школу и забыла о тонкостях экзаменов, базовое представление осталось:

— С таким баллом можно ведь поступить даже в Цинхуа?

Чу Мянью опустил глаза:

— Студенты 8-летней программы первые 2.5 года учатся в Цинхуа, а остальные 5.5 — в Пекинском союзном. Проходной балл на обычные программы союзного колледжа сопоставим со средним баллом специальных программ Цинхуа.

Другими словами, для поступления на клиническую медицину нужно набрать больше, чем минимальный проходной балл в Цинхуа.

Чу Хэн понимала, что он уже готовится к экзаменам, но после паузы не удержалась:

— Значит, твой результат должен быть как минимум в топ-10 по городу, чтобы быть уверенным?

Её скепсис не ускользнул от Чу Мянью.

— Ты думаешь, у меня не получится? — поднял он взгляд.

— Что? Конечно получится! — Чу Хэн поспешно улыбнулась, не желая подрывать его уверенность. — Талант есть не у всех, а давление экзаменов в Жунгане относительно низкое. Для тебя попасть в десятку — вполне...

— Раньше было вполне, — равнодушно отвернулся Чу Мянью. — Но это было давно.

Более двух лет с момента появления нарколепсии Чу Мянью каждый день надеялся, что его тело чудесным образом восстановится после пробуждения, вернувшись к прежнему состоянию. Так называемые «сонливость» и «катаплексия» были не чем иным, как кошмаром, который можно забыть в любой момент. Но день за днём не только не наступало улучшений — его успеваемость серьёзно ухудшилась. Из первого ученика всей школы за пределами Жунгана он превратился в аутсайдера класса, а из одарённого и выдающегося студента — в чужого в глазах окружающих.

— Чу Мянью, если не хочешь слушать урок — иди домой, школа не место для сна!

— Смотрите, Чу Мянью опять спит, ха-ха-ха...

— Не думай, что можешь не делать домашку только потому, что ты умный. Ты единственный во всём классе, кто не успевает за программой, так почему бы не приложить усилий?

— Эй, отличник, если ты весь день спишь, чем ты занимаешься ночью?

В Китае было лишь несколько врачей, знакомых с нарколепсией, и очень мало людей, которые её понимали. Ему приходилось терпеть насмешки не только до постановки диагноза, но и после — он так и не получил ни капли понимания. В процессе бесконечного погружения в кошмары Чу Мянью постепенно научился в одиночку встречать разочарованные взгляды окружающих.

— Не переживай, Мяу-мяу, разве доктор не говорил, что с возрастом нарколепсия ослабевает?
— Чу Хэн отложила ложку, и её голос вновь стал спокойным. — Ладно, не будем об этом. Как тебе в Чэнцзюне, привыкаешь?

— Нормально. Но, кроме литературы, все остальные учителя объясняют очень медленно, из-за чего много задержек.

— Сдружился с одноклассниками? — спросила Чу Хэн. — А тот мальчик, что давал тебе конфету, с тобой общается?

— Не сдружился. — Чу Мянью залпом допил молоко, и вокруг его светло-розовых губ осталось молочное колечко. Он достал салфетку, вытер рот и, не дожидаясь дальнейших вопросов,

добавил: — Мы с ним слишком разные, нам не по пути.

Он встал, бросил: «Я в школу», взмахнул рюкзаком и вышел из дома.

В тот день первокурсникам выдали новые спортивные куртки. Основной цвет — густо-чёрный с белым, а воротник и манжеты были отделаны лимонно-жёлтыми полосами. Ткань была гладкой, почти как у ветровки. Студенты, уставшие от прошлой формы в стиле «Смурфиков», остались довольны новыми костюмами Чэнцзюня. Чу Мянй примерил куртку, чтобы проверить размер. Раньше он носил только рубашки из комплекта формы, и теперь свободный спортивный костюм казался ему неудобным. Рукава мешали, когда он писал.

- Наша школьная эмблема — вообще не похожа на лошадь! — удивленно закричал Юй Жань — Что это? Треугольной формы... Дюгэ, смотри! Наша эмблема — это цзунцзы!

Фан Чжао пригляделся к вышивке на форме и возразил:

- Какое это цзунцзы?! Это... это же явно шоутао!

Они разгорячённо спорили о такой ерунде, и их голоса, долетавшие до случайно задремавшего Чу Мянйа, заставили его увидеть во сне, будто он превратился в начинку, завернутую в плотный ком риса, — этакий рисовый шарик.

Чу Мянйа особенно сильно клонило в сон по утрам. Иногда он просыпался только к обеду, а к вечеру, наоборот, становился бодрее. На истории, где дисциплина была нестрогой, он решил наверстать упущенное в математике.

Но занятие шло не слишком продуктивно: Чу Мянйа заметил, что учитель то и дело бросает взгляды в его сторону. Хотя ему и позволяли не слушать уроки, он не хотел игнорировать преподавателя в моменты бодрствования — это выглядело бы неуважительно.

На самом деле, учитель смотрел не на него, а на сидевшего впереди Юй Жаня.

Ещё на первом уроке истории тот умудрился привлечь внимание педагога. Молодой учитель в очках, с мягкими манерами и добродушным голосом, отличался необычно длинными руками. Увидев их, одноклассники на первых партах ахнули:

- Учитель, у вас такие длинные руки — вы наверняка можете достать до пола, не сгибая колен?

- Конечно, — преподаватель легко наклонился и коснулся пальцами пола.

- Вау! Значит, если телефон упадёт в унитаз, вы достанете его голыми руками! — восторженно воскликнул Юй Жань.

Едва он это произнёс, как телефон учителя выскользнул из кармана брюк, упал на кафедру и, звякнув пару раз, разбил экран.

Юй Жань тут же прикрыл рот, словно пытаясь загнать обратно свои вороны предсказания.

С тех пор учитель истории запомнил Юй Жаня и часто вызывал его. Тот отвечал охотно: если знал ответ — говорил, если не знал — выдумывал на ходу. Порой он доводил учителя до заикания или кратковременного ступора, а класс в это время весело шумел. Атмосфера на истории была оживлённой от начала до конца, и прогуливать её никто не хотел.

- Назовите два основных противоречия централизованной административной системы древнего Китая. Юй Жань, отвечай.

- Ну... государство и народ, промышленность и сельское хозяйство... угадал? — Юй Жань следил за нарастающим удивлением на лице учителя. - Ладно... не знаю!

- Ты даже этого не помнишь? Это же проходили в средней школе!

- Честно, Сюань-гэ, я уже всё забыл, — чистосердечно признался Юй Жань. - Но не волнуйтесь, я хоть помню династии: Тан, Сун, Юань, Мин, Цин...

- Ты-ты-ты... Садись и кайся!

Каждый раз, когда Юй Жань доводил учителя до такого состояния, его возмущённое лицо вызывало у класса взрыв смеха. Но в этой гармоничной атмосфере Чу Мянью хмурился всё сильнее.

С детства он привык к строгой дисциплине: никто не кричал с места, не болтал с учителем на посторонние темы, все внимательно слушали и соблюдали правила. А теперь? Хотя это был экспериментальный класс, многие ученики вели себя развязно — переговаривались, смеялись, баловались... Некоторые даже отпрашивались в туалет посреди урока, не в силах потерпеть до конца. И самое главное — молодой преподаватель на кафедре снисходительно им это позволял, а отношения между учителями и учениками стали слишком панибратскими.

Чу Мянью внутренне не одобрял такой стиль ведения уроков, но понимал: раз уж он здесь, придётся мириться. Поэтому он игнорировал окружающих и угрюмо корпел над учебниками.

- Второй и третий уроки сегодня посвятим уборке класса. Сейчас распределю задания, — после истории в кабинет вошла классный руководитель с листком распоряжений. - Девочки из 1-й и 2-й групп подметают пол, мальчики — моют. 3-я и 4-я группы — по указанию старосты. 5-я группа отвечает за окна и двери. А члены комитета класса — за чистку четырёх вентиляторов.

Юй Жань, как физорг, спросил старосту Сян Сюэхуа, с кем ему предстоит работать. Та

ответила, что в комитете всего двое мальчиков: он сам и Чу Мян, член учкома.

- Ага, — Юй Жань поджал губы и взял у Сян Сюэхуа новую тряпку.

Чу Мян не интересовал состав комитета — он лишь хотел выполнить работу чётко. Взобравшись на парту, он быстро протёр два передних вентилятора и тут заметил, что Юй Жань всё ещё возится с первым задним. Причина была проста: тому не хватало роста. Стоя на столе, Юй Жаню приходилось вставать на цыпочки и тянуться изо всех сил, но после нескольких движений он терял равновесие и начинал заново.

Чу Мян ничего не сказал. Прополоскав тряпку, он влез на другую парту и принялся за последний вентилятор.

Он вытирал пыль, как вдруг почувствовал, как стол под ним дважды стукнули. Опустив взгляд, он увидел Юй Жаня, смотрящего снизу вверх.

- Слезай. Это моя зона ответственности, — непреклонно заявил он.

— Я могу протереть.

— Староста назначила тебе два передних вентилятора, а мне — два задних. А ты уже третий делаешь. Разве это правильно? — Юй Жань вытянул шею и проговорил с явной неохотой: — Не лезь в мою работу. Не хочу быть должным.

Чу Мяню эти слова показались знакомыми. Подумав пару секунд, он вспомнил: точно так же он сам говорил позавчера. Его вдруг осенило, что Юй Жань намеренно провоцирует конфликт.

Не ожидая, что тот затаил обиду из-за такого пустяка, да ещё на два дня, Чу Мян не знал, считать ли Юй Жаня злопамятным или просто неадекватным, и потому угрюмо процедил:

— Пока ты возишься с одним, я успеваю протереть два. Неужели не видишь, в чём проблема?

— Не твоя забота делать за меня, — упёрся Юй Жань. — Раз закончил свою часть — иди отдыхай, не мешай.

Командный тон вывел Чу Мян из себя. Он глубоко вдохнул и сквозь зубы произнёс:

— Ты слепой? Команда с швабрами уже полчаса ждёт у двери. Только после того, как мы закончим и уберём парты, они смогут зайти. Так кто тут, чёрт возьми, кому мешает, Юй Жань?

Они замерли в противостоянии: один наверху, другой внизу. Встретившись взглядами, оба

ощутили как засверкали искры. Чу Мянью не хотел тратить время на препирательства и, лишь презрительно скосив глаза на Юй Жаня, продолжил вытирать лопасти.

Но как только взгляд Юй Жаня скользнул по макушке Чу Мянью, его лицо исказилось:

— Не двигайся!

Чу Мянью рефлексивно замер. Опустив голову, он увидел, как Юй Жанью стремительно шагнул к задней двери, схватил коротко стриженную девочку, чистившую стену, и резко выключил вентилятор.

Ветерок едва коснулся ушей Чу Мянью. Лопасти сделали несколько медленных оборотов и замерли.

— Ты что творишь? Это же опасно! — Юй Жанью не сдерживал громкости, и его возмущённый голос привлёк внимание одноклассников.

Девочка не смела поднять глаз и залепетала:

— Простите! Я не знала, что выключатель такой чувствительный... Просто хотела отклеить скотч сверху...

Чу Мянью спрыгнул с парты, мягко приземлился, подошёл и слегка толкнул Юй Жанью локтем:

— Всё в порядке.

Затем мягко обратился к девочке:

— Ничего страшного. Можешь идти.

— В следующий раз будь осторожнее. — вздохнув, добавил Юй Жанью.

Девочка напряглась, восприняв это как угрозу, и испуганно закивала.

Раз уж спустился, Чу Мянью не стал снова забираться на парту, что бы Юй Жанью не начал опять ныть. Швырнув тряпку в таз, он вышел в коридор помыть руки, заодно решив заскочить в магазин за ластиком.

Там он столкнулся с группой одноклассников, среди которых был тот самый Фан Чжао, вечно околачивающийся возле Юй Жанью.

— О, какая встреча! — Фан Чжао оживился. — Чу Мянью, ты в обед проспал и не поел? Теперь-то нормально?

— Вполне, — Чу Мянью сухо улыбнулся и взял с полки бутылку молока.

— Давай будем тебя будить? На голодный желудок спать вредно, — Фан Чжао решительно заявил, не оставив места возражениям, затем небрежно добавил: — Кстати, за обедом Юй Жанью всё про тебя спрашивал. Хотел принести поесть, но побоялся, что тебе не понравится.

Бутылки на полке звякнули. Чу Мянью поспешно поправил их и, не оборачиваясь, спросил как ни в чём не бывало:— Юй Жанью со всеми такой щедрый?

— Конечно! - даже не задумываюсь, ответил Фан Чжао - Со мной закусками делится.

— Только с тобой?

— Ну, пока что мы с ним ближе знакомы... А что? — Фан Чжао сообразил. — А, ты тоже хочешь? Тогда в следующий раз скажу, чтобы тебе первому предложил.

— Не в этом дело... — Чу Мянью поджал губы, затем нерешительно спросил: — Он мне раньше много конфет дарил. Как думаешь, что ему в ответ купить?

— О чём речь? Это же не подарок, — Фан Чжао удивился. — Юй Жанью не привередлив. Я видел, как он на следующую неделю график перекусов составлял — каждый день разное.

Чу Мянью кивнул и по совету продавца взял упаковку печенья-звездочек.

— Передашь ему? — попросил он.

— А самому что мешает? - нахмурился Фан Чжао.

Да ничего, конечно. Просто Чу Мянью не хотел первым идти на мировую.

В конце концов, он не был неправ. Хотя и Юй Жанью винить было не в чём — просто у них разные принципы, и взгляд на жизнь.

Лучше бы им поскорее преодолеть эту неловкость, чтобы в будущем обстановка была спокойной и мирной. Чу Мянью не хотелось тратить драгоценное учебное время на выяснение отношений.

Хотя Фан Чжао явно не понимал, зачем Чу Мянью так идёт такими окольными путями, он всё же

согласился отнести банку печенья и поставить её на парту Юй Жаня, пока того не было.

В классе после уборки уже расставили парты на места. Увидев банку шоколадного печенья, Юй Жань решил, что кто-то забыл, и поднял её, спрашивая, чья она. Фан Чжао отвёл его в сторону и шепотом объяснил, что это от Чу Мяня.

Юй Жань посмотрел в сторону Чу Мяня и обнаружил, что тот спит, уткнувшись лицом в рукава.

— Он только что был бодрствующим, — Фан Чжао в очередной раз поразился скорости, с которой Чу Мянй отключался.

Не говоря ни слова, Юй Жань вернулся на место, поставил печенье на пол, затем развернулся и тихо окликнул:

— Эй.

Чу Мянй не шевелился, казалось, крепко спал.

Юй Жань открыл крышку, достал несколько штук и аккуратно выложил их на угол парты Чу Мяня.

После проверки уборки школьным руководством уроки возобновились. Чу Мянй по-прежнему лежал на парте, наполовину высунув лицо из-под руки, и молча смотрел на спину Юй Жаня.

Обычно на уроках Юй Жань не мог усидеть на месте: то вертел головой, разглядывая написанное на доске, то вытягивался за корректирующей лентой к соседям, постоянно загораживая обзор Чу Мяню. Лишь перед строгой учительницей литературы он сидел смирно.

— Из-за проверки мы потеряли много времени, поэтому вместо самостоятельного чтения проведём внеплановый опрос, — учительница Ван обвела класс взглядом. — Юй Жань, встань. Сначала спрошу тебя по сноскам из учебника.

Юй Жань вздохнул и поднялся с кислой миной.

— Во фразе «разделение далёкого через чужие земли» как автор использует слово «разделение»?

— Раз-разделение... — замялся Юй Жань.

— Что?! — учительница повысила голос, и её грозный вид буквально парализовал Юй Жаня.

Одноклассники пытались подсказать, но из-за расстояния это было трудно. Чу Мянью, считая, что Юй Жань попусту затягивает время, приоткрыл рот:

— Употребляет существительное в роли глагола.

Он думал, что говорит достаточно тихо, но Юй Жань не отреагировал, зато учительница с острым слухом услышала:

— Чу Мянью, раз уж так любишь подсказывать, тогда встань и ответь вместо него. Какая функция у «разделения»?

Чу Мянью поднялся и не задумываясь ответил:

— Употребление существительного в роли глагола. Значение: «разделять при помощи чего-либо».

— А «далёкого»?

— Употребление прилагательного в роли существительного. Означает «далёкие земли».

Учительница задала ещё семь-восемь вопросов по сноскам, и Чу Мянью отвечал гладко, слово в слово по учебнику.

— Юй Жань и все, кого я сегодня не спросила, в будущем, когда встанете, будьте такими же подготовленными, как Чу Мянью. Отвечайте без колебаний, вырабатывайте рефлекс. Запомнили?

Класс дружно закивал, и учительница разрешила им сесть, продолжив урок.

Чу Мянью склонился над конспектом, как вдруг услышал лёгкое «тук-тук». Подняв глаза, он заметил, что на краю парты прибавилось несколько печенек.

Его взгляд скользнул выше — и поймал руку Юй Жаня, застывшую в воздухе в виде победоносного жеста «V».

От автора:

Юй Жань: \(\square\square\square*\))

Чу Мянью: (+_+)?

<http://bllate.org/book/15486/1373207>